Утро — зарядка, поедание блинчиков с жирной сметаной: «Завидуйте, женщины!» Бабушка смотрит, умиляется. К десяти заходим на проходную, встречают вежливо, видно вчерашняя картина, где меня треплет по голове Фурцева и смеётся, переговариваясь с бабушкой, дала результат. «Ничего, Сашка, скоро тебя по имени отчеству называть будут». Пропуск не стали спрашивать. Сзади хлопнула дверь, на автомате посмотрел, а там Владимир Семенович, молодой, немного нервный какой-то. Я разворачиваюсь, иду опять на проходную, Высоцкий не успевает начать объяснять, зачем он явился.

— Это к нам, — обращаюсь вахтеру. — Не ожидал, что Екатерина Алексеевна так Вас быстро найдет, Владимир Семенович.

— Александр? — не отпускает напряжение Высоцкого, наверно, даже еще больше увеличивается, все-таки не ожидал, что его для малолетки вызывают. — Мне вечером был звонок от помощника Фурцевой, просили подойти сюда.

Фамилия Фурцевой опять играет пропуском: вахтер разрешает пройти.

— Владимир Семенович, у Вас, наверно, много вопросов сейчас в голове, но давайте пройдем в репетиционный зал, там я на все вопросы отвечу.

Кивает, молча, пристраивается рядом, поднимаемся в зал, а там уже оркестр репетирует с Магомаевым. Как только мы вошли, репетицию прервали, а Муслим Магомедович спустился к нам, вежливо поздоровался с бабушкой, со мной и протянул руку Высоцкому.

— Позвольте Вас представить друг другу. Муслим Магомедович Магомаев, — указываю на одного. — Это Владимир Семёнович Высоцкий, — указываю на другого. — Надеюсь, он согласится петь с нами Бель.

— Очень приятно, но я только пока не в курсе, о чём идет речь, — Высоцкий смотрит на меня с ожиданием.

— Я написал песню на французском и русском языках на роман Гюго «Собор Парижской

богоматери», песню должны исполнять трое. Вам напомнить, о чем была книга?

— Нет, я прекрасно помню, — никакого недовольства в голосе из-за того, что кто-то мог сомневаться, что книгу он читал, при этом я не услышал.

— Так вот, для исполнения партии Квазимодо мне нужен человек с хрипотцой в голосе, Вы идеально подходите. Давайте, сейчас мы исполним песню с Муслимом Магометовичем, чтобы вы поняли, о чем речь и решили для себя, желаете ли в этом участвовать.

Мы с Магомаевым поднялись на сцену. Я не стал садиться за рояль, хотя пианист уже вставал.

— Не надо, играйте вы: на концерте мне все же придется только петь, так как мы втроем должны быть на сцене, — останавливаю пианиста и оборачиваюсь к Высоцкому: — Первая партия должна быть Ваша, а последнюю мы исполняем втроем. Сначала мы исполним на русском, а потом уже на французском.

Выступление с оркестром - это уже не я один за роялем.

Свет, озарил мою больную душу,

Нет, твой покой я страстью не нарушу,

Бред, полночный бред терзает сердце мне опять,

О, Эсмеральда я посмел тебя желать.

Хрипотца, а также движение рук, — как бы протягивая к той, о ком так мечтаю, — голос усиливаю, больше трагизма, во взгляде все то отчаянье, которое испытывает человек, понимая, что это все несбыточная мечта.

Мой тяжкий крест — уродство вечная печать,

Я состраданье за любовь готов принять,

Нет, горбун отвержен и с проклятьем на челе,

Я никогда не буду счастлив на земле,

И после смерти мне не обрести покой,

Я душу дьяволу продам за ночь с тобой.

Высоцкий песню слушает внимательно, в глазах у него восхищение. Магомаев также исполняет не просто стоя на сцене: он вкладывает в свои слова душу, поет и видно, что он злится на Эсмеральду.

...Цыганка дерзкая мою сгубила жизнь,

Жаль, судьбы насмешкою я в рясу облачен,

На муки адские навеки обречён...

(Notre Dame de Paris (Rus) — Belle

https://www.youtube.com/watch?time_continue=79&v=DIPg4EPMKWA)

Он прекрасно показывает борьбу внутри священника, и как страсть его сжигает изнутри.

Высоцкий пытается что-то сказать, но я его прошу сначала послушать на французском, а после уже высказаться.

— Александр, песня просто великолепная, — заговорил Высоцкий, как только мы закончили петь.

— Я рад, что Вам понравилась, — улыбнулся. — Ну что, давайте я Вам текст дам, почитаете, и попробуем спеть на русском сначала.

Сначала немного не получалось:

— Владимир, представьте себе Квазимодо. Он влюбился без памяти, до такой степени, что когда узнал, что виновник казни — его приемный отец, скинул его с колокольни.

— Саша, я пойду домой, — бабушка выглядела уставшей.

— Конечно, бабушка, а то мы здесь еще надолго.

Репетировали вместе до вечера, перешли давно на «ты»; певцы уже не задумывались над тем, сколько мне лет, говорили на равных: десять лет не такая большая разница, плюс, люди творческие, увидев мой талант, не о возрасте думали.

— Муслим, Володя, — уже на выходе из зала я остановился, в голову пришла идея, — я вот что подумал, а почему нам на концерт не одеться так, как должны были быть одеты наши герои. А еще, пригласить девушку брюнетку, умеющую танцевать. И на словах, например: «И не Мадонне я молюсь, а ей одной» - протягиваю руки в ее сторону. А в конце песни она как бы погибает во время танца, и уже последние слова мы поем склонившись над ней.

— Оригинально, и знаешь, Саша, я за, — Муслим, улыбаясь, хлопнул меня по плечу. — Это запомнят на долго.

— А что, мне тоже нравится, — Владимир подтвердил свою готовность.

И вместе улыбаясь, мы вышли из зала. Дома сразу же набрал Фурцевой, трубку взяла она сама.

— Тетя Катя, здравствуйте, — в голос побольше радости и восторженности.

— Здравствуй, Сашенька. Голос довольный, значит, все получилось на репетиции, — через трубку слышу смешок.

— Да, репетиция прошла прекрасно. Тетя Катя, я к Вам опять с просьбой.

— Ну что там случилось у тебя? — даже по голосу слышно, что человек улыбается.

— В конце репетиции я предложил нашим певцам спеть в костюмах героев: Муслим будет в сутане католического священника, я в кольчуге и кожаных штанах, а Высоцкому надо будет сделать горб и одеть его во что-то типа рубища. А еще, хотели бы, чтобы во время песни танцевала девушка — красивая стройная брюнетка в легком однотонном платье, которое будет выглядеть немного поношенным и надорванным.

— Хм-м, а знаешь, идея хорошая, немного добавить театральности в ваше исполнение не помешает, — а потом в голосе появилось немного ехидства. — Так значит, тебе брюнетки больше нравятся?

— Нет, вы меня неправильно поняли, просто она же цыганка, — из трубки задорный смех.

— Да успокойся ты, Саша, — прервала мои объяснения. — Значит, сделаем так: с утра Вам подвезут несколько костюмов, а также подъедет девушка из цирка. Она прекрасно танцует и даже поет, если понадобится, ну, и выглядит так, что мужики постоянно шеи сворачивают, когда она мимо проходит. Зовут Евгения, я сейчас с ней свяжусь.

— Спасибо, спасибо, спасибо.

— Да ладно тебе, Сашка, ты лучше скажи, когда нам с Месяцевым лучше подъехать посмотреть, что у Вас получилось.

— А давайте часикам к шести вечера. Вам как, удобно будет?

— Идеально, Саша. Думаю, и Николаю Николаевичу будет удобно. Ну все тогда, Саша, до завтра.

— Спасибо Вам еще раз, тетя Катя, и до завтра.

Положив трубку, я задумался: «А если им понравится, то можно и на клип замахнуться,» — улыбнулся от приятных мыслей, и такого улыбающегося меня встретила на кухне бабушка.

— Что улыбаешься, как кот объевшийся сметаны?

— Потому что все отлично выходит, бабушка, — подошел к ней, обнял и чмокнул в щечку.

— Ну и славно, — улыбнулась довольная бабушка.

— Бабушка, ты завтра с утра со мной не ходи, а подходи к часикам шести вечера. Мы как раз отрепетируем, и вы уже посмотрите, как это будет выглядеть на концерте. Как раз и тетя Катя к этому времени подойдет.

— Ну что же, так даже лучше, а теперь руки мыть и за стол.

Прекрасное утро, настроение отличное. Сделал зарядку, в душ сходил и бегом на кухню, где меня ждали творожники. «Как же я люблю бабушку».

— Так, Сашка, я тогда пойду сегодня на работу, что мне просто так дома сидеть, — это вам не молодежь, которая с удовольствием бы посидела дома; старики, наоборот, рвутся на работу, ну,

а что им дома делать одним, — а вечером как раз к шести подойду.

— Хорошо. Спасибо, бабушка, за прекрасный завтрак, — моя сытая улыбающаяся моська вызвала ответную улыбку у бабушки. Подойдя, она потрепала мне волосы и поцеловала в макушку.

— Пожалуйста, Сашенька, — и довольная тем, что внук доволен, принялась мыть посуду. Как-то раз я пытался помочь с мытьем посуды, но это не вызвало понимание с ее стороны, и я был отправлен в свою комнату со словами, мол, нечего тут тебе делать, иди чем-нибудь займись.

К десяти я был на месте. В здание, так получилось, мы зашли вместе с Магомаевым, а у дверей зала застали Владимира, который заходил внутрь вместе с оркестром.

— Где мне найти Семенова Александра, — раздался голос со спины. Обернувшись, я увидел двух женщин с большими сумками.

— Я Александр, — сделал шаг в их сторону.

Женщины переглянулись, и та, что постарше также сделала шаг в мою сторону:

— Мы здесь от Екатерины Алексеевны.

— Вы, наверно, костюмы привезли, — догадался я.

— Да, — как-то с облегчением сказала она, видно сомневалась, тот ли я Александр.

Только мы вошли в зал, как за нами забежала девушка, на ходу снимающая пальто. Взглянув на лицо, я сразу понял: «Вот она наша Эсмеральда. Она, Сашка, та, на ком ты будешь обрабатывать свои чары обольщения».

— Здравствуй, Эсмеральда.

Девушка посмотрела на меня с удивлением:

— Простите, вы ошиблись.

— Нет, я не ошибся. Вы же Женя? — дождавшись кивка, продолжил: — Вы будете Эсмеральдой, девушкой, в которую будем влюблены вот мы трое, — указал на Володю, Муслима и на себя.

— Так вы Александр, — я отвесил поклон, чем вызвал просто очаровательнейшую улыбку на ее лице.

— Так, давайте для начала девушка сходит переоденется в приготовленное для нее платье, — обратился я к женщинам, — а потом уже мы.

Пока оркестр рассаживался, девушка успела переодеться. Женя вышла в легком черном платье до колен; распущенные черные волнистые волосы, карие глаза, белоснежная улыбка — девушка-мечта, но, что удивительно, скромная. Посмотрев на меня и увидев, как я люблю ее, девушка чуть покраснела.

— Ну что же, пойдете и мы переоденемся, — сделав шаг в сторону небольшой боковой комнаты, мы были остановлены женщиной, что принесла костюмы.

— Молодые люди, нам, наверное, с Вами. Мы должны показать, как прикрепить горб, да и проверить размеры, может, что-то придется чуть подшить.

Переглянувшись между собой, пожав плечами, согласились. И вот мы уже трое выходим нарядные. Магомаеву с его черными волосами очень подходит сутана священника, а горб на Высоцком очень похож на натуральный. Мужики из оркестра даже похлопали нам, улыбаясь.

Я объяснил Жене ее задачу:

— Женя, мы будем выходить на сцену по очереди. Сначала ты будешь просто танцевать недалеко от поющего что-то с испанскими нотками, то есть довольно часто руки вскидываешь выше головы, потом медленно опуская, как бы очерчивая свою идеальную фигуру, — девушка опять покраснела. — Женя, по мотивам книги ты одна из прекраснейших женщин Парижа, так что хватит краснеть. Это ее еще больше смутило. — Так вот, когда поет Муслим, ты смотришь на него дерзко, не принимая его ухаживания; когда поет Владимир, ты выступаешь словно его нет, не обращаешь на него внимание; а вот когда буду петь я, ты периодически будешь кидать на меня влюбленные взгляды и иногда протягивать руки в мою сторону, но тут же отдергивая сама себя. Когда мы будем петь вместе, ты начнешь на нас смотреть с какой-то обидой и непониманием, за что мы так с тобой. И после слов: «Стой, не покидай меня безумная мечта. В раба мужчину превращает красота» - тебя словно подстреливают, ты ложишься на середине сцены и умираешь, а мы в это время склоняемся над тобой. На французском тоже самое происходит, я тебе подам сигнал, чтобы ты знала, когда погибаешь. А сейчас просто послушай саму песню на русском и французском.

После того как мы спели, я подошел к Жене, она смотрела на меня такими глазами, в них я казался себе богом.

- Это Вы сочинили? — я не успел даже слова сказать, она опередила меня, а в голосе столько нежности и восторга. — Очень красивая песня, а слова... Я не знаю, как описать, но мне так грустно становится от них.

— Да я, и очень рад, что она Вам понравилась, — посмотрел ей пристально в глаза, — особенно, что именно Вам она понравилась.

— Почему именно мне? — глаза девушки смотрят в пол.

— Потому что вы самая прекрасная девушка, которую я встречал.

— Александр, не надо, — но быстрый взгляд на меня говорит об обратном. «Какая же я сволочь, морочу девушке голову, а, может, и не морочу. Саша, сейчас главное работа, все у тебя с девушками будет отлично».

Пять часов репетиций с перерывом на обед — и вот наши главные зрители входят в зал. Муслим и Владимир прячутся за оркестр, чтобы раньше времени не показывать наш сюрприз. Хоть Фурцева и знает, но одно дело знать, другое — видеть. Я прошу нашу приемную комиссию усесться, и музыка наполняет зал.

Все было почти идеально: и музыка, и танец, и наши партии. Ещё пара репетиций, и мы будем готовы, но и этого хватило для наших зрителей.

— Саша, это просто великолепно. Владимир, Муслим, вы потрясающе спели. Женечка, твой танец просто идеально дополнил песню, — из уст Фурцевой мед тек рекой, а Месяцев стоял рядом, улыбаясь, поддакивал.

— Саша, помни о детях, — заговорила дома бабушка после ужина.

— Не понял, о каких детях я должен помнить?

— О тех, которых еще рано тебе заводить.

— Бабушка, ты опять за свое.

— Да, просто ваши с Женечкой переглядывания не заметил разве что слепой.

— Эх, бабушка, ничего ты не понимаешь. Я просто ей подсказывал рабочие моменты.

— Ага, после таких вот подсказок и появляется момент, который плачет и сиську просит. Ладно, иди, я пока посудой займусь, — не стала слушать мои оправдания, выставив с кухни.